

© **Копосов Л.Ф.**

НОРМЫ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И РУССКИЕ ГРАММАТИКИ XVIII В.

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения истории русской орфографии в начальный период ее кодификации. Орфографические рекомендации, содержащиеся в русских грамматиках М.В. Ломоносова и А.А. Барсова, последовательно сопоставляются с нормами, сложившимися в рукописных текстах делового содержания. Отмечается, что деловая скоропись, по-прежнему ориентированная на живую речь, сохраняет широкую вариативность, в то время как печатные тексты и грамматики отражают тенденцию к единообразию написания морфем на основе морфологического принципа. При этом авторы русских грамматик, опираясь на традицию, стремятся закрепить ряд церковно-славянских написаний.

Ключевые слова: вариативность, деловая письменность, кодификация, морфологический принцип, норма, орфография, скоропись, традиционное написание, церковно-славянская форма.

© **L. Kopusov**

STANDARDS OF BUSINESS WRITING AND RUSSIAN GRAMMAR OF THE 18TH CENTURY

Abstract. The article is devoted to studying the history of Russian orthography in the early period of its codification. Spelling recommendations of the Russian grammar systems of M.Lomonosov and A.Barsov are consistently compared with norms prevailing in the manuscripts of business content. It is noted that the business cursive writing had still focused on the live speech, had kept a wide variation, while the printed text and grammar reflect the tendency towards uniform spelling of morphemes based on the morphological principle. The authors of the Russian grammar, basing on tradition, tend to consolidate a number of Church Slavonic spellings.

Key words: variability, business writing, codification, morphological principle, standard, spelling, cursive writing, the traditional spelling, Church Slavonic form.

Орфография, как и орфоэпия, в XVIII в., по замечанию В.В. Виноградова, оставалась неустойчивой [1, 54], но в печатных изданиях этого периода мы видим решительный шаг вперед, заключающийся в ограничении и устранении вариативности, по крайней мере у одного и того же автора и издателя.

Иная картина наблюдается в деловой письменности, которая продолжала традиции актового письма допетровской эпохи, причем эти традиции оказываются весьма устойчивыми. Ни практика книгопечатания, ни грамматики не оказывали на деловое письмо сколько-нибудь заметного влияния. По-прежнему наблюдается сосуществование фонетических и традиционных написаний, причем в ряде случаев фонетический вариант становится преобладающим. Как и в памятниках XVII в., широко представлены колебания, вызванные в свое время следствиями падения редуцированных, изменением *е* в *о* (*черныи* и *чорныи*). После *ж* и *ш* употребляются буквы *и* и *ы*, в окончаниях род пад.ед. числа мужского и среднего рода пишется как *г*, так и *в*, в течение всего столетия наряду с унифицированными употребляются старые формы дат. – творит. – предл. пад. мн. числа существительных.

С другой стороны, деловое письмо XVIII в. претерпевает постепенные изменения, вызванные главным образом реальными языковыми изменениями относительно недавнего времени. Так, утрата [ѣ] в любом фонетическом положении, в большинстве русских говоров осуществившаяся уже к XVII в., приводит к тому, что буква ѣ становится необязательной не только в безударном слоге и под ударением перед буквой мягкого согласного, но и перед буквой твердого согласного, т. е. написание *е* и здесь становится нормальным. В этот период появляются написания *и* после *ц* (в XVI в. было возможно почти исключительно *ы*). В первые десятилетия XVIII в. исчезают формы на *-ые (-ие)* в род. пад. ед. числа женского рода имен прилагательных.

Основные различия между орфографией, складывающейся в XVIII в. в печатных текстах, и нормами, отраженными в грамматиках того времени, с одной стороны, и орфографией делового письма, с другой, в основном сводятся к следующему.

1) Деловая скоропись сохраняет широкую вариативность, в то время как нормы, используемые в других функциональных разновидностях письменности и кодифицированные грамматиками, характеризуются тенденцией к установлению единообразных написаний на основе морфологического принципа.

2) Кодификаторы орфографии XVIII в. стремятся закрепить на письме большое количество традиционных написаний, в том числе и искусственных, церковно-славянских; деловая же письменность по-прежнему ориентирована на живую русскую речь.

В некоторых случаях, однако, нормализаторы русской орфографии, стремясь устранить вариативность, часто кодифицируют в качестве единственно возможного написания варианты, соответствующие языковым реалиям эпохи (например, формы *-ам, -ами, -ах* во мн. числе существительных, в то время как в деловой письменности XVIII в. колебания между унифицированными и старыми формами, как уже указывалось, наблюдаются в течение всего XVIII в.).

Наглядное представление о различии этих двух орфографических тенденций дает сопоставление чисто орфографических и морфологических норм, нашедших отражение в двух наиболее известных грамматиках XVIII столетия («Российской грамматике» М.В. Ломоносова и «Российской грамматике» А.А. Барсова), с материалами деловых рукописей. Такое сопоставление, кроме того, позволяет получить более точное представление о состоянии языка раннего периода русской нации и выявить особенности отражения языковых фактов в письменных текстах (в данном случае текстах делового содержания) как XVIII в., так и предшествующего периода.

«Российская грамматика» М.В. Ломоносова, напечатанная в 1757 г. (хотя на титульном листе стоит 1755 г.), оказалась заметным событием в общественной жизни России. Труд профессора Московского университета А.А. Барсова под тем же названием, хотя и предназначался для печати, опубликован не был, так как оказался совершенно непригодным в качестве учебного пособия. «Российская грамматика» А.А. Барсова – это наиболее полное в XVIII веке *научное* описание русского литературного языка, в котором автор, продолжая ломоносовские традиции, делает дальнейший шаг в развитии отечественной русистики.

Как и Ломоносов, Барсов обосновывает морфологический принцип орфографии: «Буквы коренных слов и простых, тако ж и начал по большей части удерживаются в производных или измененных также и в сложных словах, есть ли не препятствуют тому другие правила...» [4, 83]. В грамматике Барсова отсутствуют рассуждения о необходимости сохранения буквы ѣ: в то время этот вопрос, по-видимому, уже потерял свою актуальность, так как буква ѣ уже прочно утвердилась в новой орфографии.

Оба автора уделяют особое внимание правописанию приставок. «Слитные предлоги должны в сложении удерживать свои прежние согласные, невзирая на мягкость или

твердость следующие согласные», – указывает М.В. Ломоносов, возражая сторонникам фонетических написаний [2, 57]. Исключение составляют приставки на *з* и *с*, «ибо древнее их употребление к тому принуждает» [2, 58].

А.А. Барсов, указывая это же правило, замечает, однако, что во многих словах наблюдается отступление от него, и приводит примеры написания *з* перед *с* типа *раз-смаприваю*, *разсуждаю* и т.п. [4, 83].

В деловой письменности XVIII в. сохраняются вариативные написания, связанные с обозначением согласных перед другими согласными и противоречащие морфологическому признаку. Это касается и приставок на *з*.

В обеих грамматиках большое внимание уделяется правилам слитного и раздельного написания слов, причем у Барсова эти правила изложены более пространно и детально, в частности он касается правописания частицы *не* с разными частями речи [4, 85-86]. Говоря о том, что «в речениях погрешают часто слитием и разделением предлогов», Ломоносов отмечает особенности скорописных текстов: «Слитие в скорописи сплошь видно» [2, 59]. Действительно, деловые рукописи XVIII в., в отличие от более ранних памятников, отличаются колебаниями в слитном или раздельном написании предлогов, союзов и частиц, т. е. слов, не имеющих самостоятельного ударения.

В дат. – предл. пад. ед. числа существительных I типа склонения деловые тексты XVIII в. фиксируют окончание *-e(-ѣ)* или *-u(-ы)* в зависимости от территориальной принадлежности текста. Так, в северо-западных деловых документах вариант *-u(-ы)*, отражающий местную морфологическую особенность, является весьма устойчивым на протяжении всего столетия. Обе грамматики указывают на единственно возможное (конечно, для литературного языка) окончание *-ѣ*. Однако архаические формы на *-u* существительных мягкой разновидности нередко встречаются в литературном языке XVIII в., в том числе и в произведениях самого Ломоносова, изредка они отмечаются даже у Пушкина и Гоголя [3, 250, 295].

Творит. пад. этого типа склонения представлен в письменных памятниках вариантными окончаниями *-ою(-ею)* и *-оу(-еу)*, причем односложная флексия получает широкое распространение лишь со второй половины XVII в. Указывая оба варианта, М.В. Ломоносов на первое место ставит старое окончание *-ою(-ею)* [2, 65-67]. Основным вариантом считает эту флексию и А.А. Барсов: «В творительном *ы*, также и *и* после *з*, *к*, *х* переменяется на *-ою*... окончание родительного *и* переменяется в творительном на *ею*... [4, 105-106], замечая, однако, что «оба же его, падежа, окончания, то есть *ою* и *ею*, везде по востребованию могут для сокращения переменяться на *оу*, *еу*» [4, 106].

Оба автора уделяют большое внимание вариантным формам род. и предл. пад. ед. числа существительных мужского рода. В деловой письменности XVIII в. флексия *-у(-ю)* еще достаточно продуктивна, ее принимают даже новые заимствования. Факт высокой продуктивности форм на *-у* подтверждается авторами грамматик XVIII в. М.В. Ломоносов отмечает, что «происшедшие от глаголов употребительнее имеют в родительном *-у*» [2, 81]. Действительно, в деловой письменности отглагольные образования с флексией *-у* отличаются исключительной употребительностью. М.В. Ломоносов указал и на стилистическое различие форм на *-у* и *-а*: окончание *-у* эти имена «тем более... принимают, чем далее от славенского отходят, а славенские, в разговорах мало употребительные, лучше удерживают *а*» [2, 81]. По свидетельству ученого, «имена собирательные и таких вещей, которые по мере, по числу или по весу разделяются, в родительном падеже больше кончатся на *у*, нежели на *а*» [2, 82]. Преимущественное употребление форм на *-у* характерно и для имен со значением времени и места. Напротив, у слов с конкретным значением преобладает флексия *-а* [2, 82].

Весьма сходную характеристику вариантных форм находим и в грамматике А.А. Барсова, причем Барсов четко противопоставляет одушевленные и неодушевленные существительные, подчеркивая, что одушевленные имена употребляются исключительно

с флексией *-а*, тогда как неодушевленные могут принимать и *-у*. Более подробно описывается стилистическое различие вариантов. По его мнению, слова, «общие славянскому и российскому языкам, принимают *а* и *у* или *я* и *ю*, смотря по тому, как содержание речи важно, и слог требуется высокий или посредственный и низкий» (с. 118). Вслед за Ломоносовым Барсов отмечает преобладание варианта *-у* у имен с вещественным, собирательным значением, а также со значением времени и места [4, 118-119].

Таким образом, данные деловой письменности и свидетельства русских грамматик убедительно доказывают, что в живом языке XVIII в. формы на *-у* в род. пад. охватывали значительную часть неодушевленных имен существительных, а в некоторых категориях имен преобладали над вариантом *-а*.

Достаточно продуктивной, хотя и менее распространенной, чем в род. пад., флексия *-у* была и в предл. пад. М.В. Ломоносов, а вслед за ним и А.А. Барсов, отмечают употребительность форм на *-у* в кругу существительных, обозначающих место и время, особенно тех, которые имеют это окончание и в род. пад., нехарактерность их для иноязычных слов, почти исключительное их употребление после предлогов *в* и *на*, подчеркивают стилистические (а Барсов – и семантические) различия вариантов [2, 85; 4, 121-122]. И в этом случае грамматики не противоречат данным деловой письменности, свидетельствуя об адекватном отражении морфологического явления в письменном тексте.

Как известно, относительно поздно и слабо отражается в письменных памятниках процесс распространения форм с ударенным *а* в им. пад. мн. числа мужского рода типа *города*, *мастера* и т. п. В деловой письменности XVII в. обычно встречаются лишь формы *колокола*, *леса* [5, 264]. Единичны подобные написания и в текстах XVIII в. Между тем в грамматиках М.В. Ломоносова и А.А. Барсова отмечается несколько более широкий круг имен с вариантными окончаниями *-а(-я)* и *-ы(-и)* [2, 67; 4, 124]. Сам факт редкого употребления новых форм в памятниках, безусловно, свидетельствует о позднем развитии данного морфологического явления, однако грамматики констатируют более высокую степень развития процесса распространения новых форм, чем можно было бы предполагать, исходя только из показаний деловой письменности.

Одним из наиболее спорных вопросов русской исторической морфологии остается вопрос о времени завершения процесса унификации форм дат. – творит. – предл. пад. мн. числа существительных. Деловая письменность XVII в. характеризуется колебаниями в употреблении новых и старых форм, причем их соотношение не обнаруживает существенных территориальных различий. Такая же картина наблюдается и на протяжении всего XVIII столетия. «Российская грамматика» М.В. Ломоносова вообще не фиксирует старых форм [2, 69-75], хотя сам автор неоднократно употребляет, в том числе и в тексте самой грамматики, старые формы творит. пад. Отмечая только унифицированные формы, А.А. Барсов, в отличие от М.В. Ломоносова, обращает внимание на особенности именно творит. пад.: «Почти все творительные множественные сего склонения по востребованию могут сокращены быть и премногие действительно сокращаются, переменяя: а) окончание *ами* на *ы*, как то отцами *отцы*, концами *концы*, соколами *соколы*...окончание *ями*...на *и*: знаменами *знамении*...кораблями *корабли*, огнями *огни* и проч.» [4, 129-130]. В деловой письменности, однако, нет никаких принципиальных различий в употреблении форм этих трех падежей.

Таким образом, русские грамматики XVIII в. ясно свидетельствуют об отсутствии старых форм дат. – творит. – предл. пад. в живой речи (кроме форм на *-ми*) и кодифицируют новые окончания, а вариантность отражала письменную традицию делового языка. Что касается форм творит. пад. на *-ы(-и)*, употреблявшихся наряду с формами на *-ами(-ями)* не только в деловых документах, но и в других сферах письменного общения, то они, безусловно, являлись грамматическими архаизмами и представляли собой одну из особенностей литературного языка XVIII в.

Кодификация русской орфографии в XVIII в. коснулась ряда форм прилагательных, где были нормализованы церковно-славянские написания. В им. пад. ед. числа в это время живой была флексия *-ои(-еи)*, что и отражено в текстах деловой письменности; кодифицируется, однако, книжное окончание *-ый(-ий)*. Церковно-славянские формы были закреплены в род. пад. всех трех родов: *-аго(-яго)* в мужском и среднем, *-ья(-ия)* – в женском. Родовая дифференциация была проведена в им. пад. мн. числа: флексия *-ые(-ие)* закреплялась только за формами мужского рода, для женского и среднего было рекомендовано употреблять окончание *-ья(-ия)*. Это правило было установлено Академической типографией в 1733 г. Деловая письменность отражает в основном русские формы: в род. пад. мужского и среднего рода употребляются варианты *-ого(-его)*, *-ово(-ево)*, *-ова(-ева)*, в род. пад. женского рода в XVIII в. закрепляется флексия *-ои(-еи)*, полностью вытеснившая вариант *-ья(-ия)*. Формой на *-ые(-ие)*, общей для всех трех родов, представлен им. пад. мн. числа. Церковно-славянские написания *-аго(-яго)* и *-ья(-ия)* заметного распространения в деловых текстах не получили.

М.В. Ломоносов приводит три варианта им. пад. мужского рода, располагая их в такой последовательности: *ый, ой, ей* [2, 76]. Сам он употребляет как русский, так и церковно-славянский варианты. Можно заметить, что флексия *-ый* употребляется обычно в словах, относящихся к лингвистической терминологии. Однако в парадигмах причастий указываются только формы на *-ый(-ий)* [2, 176-177].

В род. пад. ед. числа М.В. Ломоносов приводит русские и церковно-славянские варианты, причем в род. пад. имен прилагательных мужск. и ср. рода Ломоносов пишет исключительно *-аго(-яго)*. С окончанием *-ого(-его)* употребляются только некоторые местоимения [2, 171-174]. Касаясь нормы употребления форм им. пад. мн. числа, Ломоносов замечает: «Е и Я нередко за едино употребляются, особливо во множественном числе прилагательных пишут, *святые* и *святья*. Сие различие букв Е и Я в родах имен прилагательных никакова разделения чувствительно не производит: следовательно обоих букв Е и Я, во всех родах, употребление позволяется; хотя мне и кажется, что Е приличнее в мужских, а Я в женских и средних» [2, 52-53].

Таким образом, орфографические рекомендации Ломоносова в отношении церковно-славянских написаний не обладают особой категоричностью; более того, сам он часто ориентируется на живое русское формоупотребление.

А.А. Барсов, предписывая те или иные правила употребления форм имен прилагательных, обычно указывает и отступления от них, не давая им, однако, отрицательной оценки, и в этом его отношении к орфографическим нормам принципиально не отличается от ломоносовского. Так, указывая, что «прилагательные мужского рода в именительном падеже единственного числа правильно кончатся на слоги *ый* и *ий*», Барсов добавляет, что в «обыкновенном слоге... и в именах в просторечии употребляемых... особенно же и непременно в разговорах» это окончание «переменяется» на *-ой(-ей)* [4, 466]. В род. пад. ед. числа мужского и среднего рода Барсов рекомендует окончание *-аго(-яго)*, замечая при этом, что «вместо *аго* писали некогда, особливо в указах и приказных делах, *ого*», а в разговорной речи употребляются формы на *-ова* или *-ово* [4, 468]. Что касается род. пад. женского рода, то нормой там является окончание *-ья(-ия)*, но «общее употребление в разговорах, а часто и на письме сим книжным и славенским окончаниям родительного женского не следует, а переменяет оные на *ой* и *ей*» [4, 468]. Сам Барсов следует «общему употреблению», используя формы на *-ой(-ей)*. В отношении им. пад. мн. числа Барсов придерживается тех же правил, что и Ломоносов.

Таким образом, местная деловая письменность XVIII в. выступает как относительно автономная система, функционирующая независимо от кодификационных процессов того времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. Изд. 3-е. М., 1982.
2. Ломоносов М.В. Российская грамматика. М., 1755.
3. Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. Л., 1927.
4. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Под ред. и с предисловием Б.А.Успенского: Изд-во Московского ун-та. М., 1981.
5. Черных П.Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953.